

КНИГИ В ЖИЗНИ Н.И. ВАВИЛОВА

Н.В. ДУНАЕВА

(РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева)

Книги — не мертвые совершенно вещи, а существа, содержащие в себе семена жизни. В них — чистейшая энергия и экстракт того живого разума, который их произвел... Хорошая книга — драгоценный жизненный сок творческого духа, набальзамированный и сохраненный как сокровище для грядущих поколений.

Мильтон Джон

Влияние книг на творчество ученых неоспоримо. Они — основа мировоззрения и мироощущения ученого. Они — спутники по жизни, советники в трудных делах, поводыри в тяжелых обстоятельствах. Это — аксиома. Н.И. Вавилов не был исключением из правила. В статье сделана попытка это проиллюстрировать.

Ключевые слова: энциклопедист, генетика, ботаника, агрономия, теория селекции, география растений, история, древняя культура, источниковедение.

По воспоминаниям сына Николая Ивановича — Юрия Николаевича: «Из столовой можно было пройти в просторный домашний кабинет отца, минуя проход, вдоль которого также стояли книжные шкафы с доступом к книгам со стороны кабинета. В кабинете находился большой письменный стол, на котором обычно лежали стопки рукописей работ отца, его сотрудников, журналы и необходимые ему для текущей работы книги, а также стоял большой глобус. Работая за письменным столом, отец сидел на массивном кресле с головами львов. В кабинете было два таких кресла, а также диван и несколько простых стульев. На стене за письменным столом висела карта растительности земного шара, а на другой стене обращали на себя внимание заключенные в рамки со стеклами портреты Микеланджело, Леонардо да Винчи, Гете и Дарвина и фотографии некоторых ландшафтов, снятые Николаем Ивановичем во время его путешествий: оазис в пустыне Сахара, караван верблюдов и другие. Стену украшал также старинный кремниевый пистолет, подаренный отцу во время его поездок в Дагестан. Он был изъят среди большого числа других предметов при обыске в квартире сотрудниками НКВД 7 августа 1940 г. Личная библиотека отца размещалась в квартире не менее чем в 15 шкафах. В библиотеке, помимо специальной литературы, посвященной вопросам сельского хозяйства, биологии, генетики, географии, была и художественная литература, например, полное собрание сочинений Гете на немецком языке. Отец также был подписан на полные академические издания сочинений Пушкина и Гоголя. В библиотеке было большое количество словарей на разных языках, разнообразная справочная литература. Имелась Большая Советская Энциклопедия (первое издание), много географических атласов» [5].

Нам бы хотелось привести и другую цитату далекого от интересов Вавилова человека. Книга писателя А. Роскина «Караваны, дороги, колосья» вышла в свет при жизни Н.И. Вавилова в период расцвета его научной и организационной деятельности.

А. Роскин был знаком с Н.И. Вавиловым и с рядом его ближайших соратников: П.М. Жуковским, С.М. Букасовым, В.Е. Писаревым, Е.Н. Синской и другими. Но самые интересные подробности путешествий писатель узнал от самого Николая Ивановича во время своей поездки с Н.И. Вавиловым в одном купе ночного поезда Москва — Ленинград. Вот что он пишет: «Огни провожали поезд. Потом они остановились, посветили в последний раз и стали медленно возвращаться в город. Поезд мягко проплывал мимо станций.

Кроме меня, в купе был только один пассажир. Он вынул из портфеля несколько книг, положил их на столик и принялся за чтение. Мне предстоит скучный путь; я забыл захватить с собой в дорогу какую-нибудь книгу. В кармане у меня был лишь тощий иллюстрированный журнал. Я увидел фотографию: сбор утильсырья.

Чтобы продлить время, я стал гадать, как называется очерк об утиле. «Золото под ногами»? Или — «Валюта из воздуха»? Или — «Трактор из мусора»?

Я почти отгадал. Очерк назывался «Золото из мусора». Через полчаса я знал его наизусть.

С завистью взглянул я на спутника: он перелистывал свои книги, часто делая пометки на полях.

После Клина я не выдержал и обратился к спутнику с просьбой поделиться его богатством. Он с готовностью протянул мне одну из книг. Я закурил, предвкушая интересное чтение. Но, раскрыв ее, я почувствовал горькое разочарование. «Георгики» Вергилия на латинском языке показались мне неподходящим чтением в поезде.

«Очевидно он филолог», — подумал я о спутнике. Молодое ещё и энергичное лицо его сразу представилось мне постаревшим.

Страницы римского поэта были испещрены карандашом. Я взглянул на них. По-видимому, читатель Вергилия интересовался не только латинскими корнями или биографией автора «Георгик». Он саркастически отмечал, что «Георгики» — до сих пор настольная книга сельских хозяйств в Италии. Удивительно ли это? В Сицилии и передовых хозяйствах землю и поныне обрабатывают деревянным романским плугом.

Заметки говорили о том, что мой спутник — не только филолог, но и археолог, историк материальной культуры.

Я вернул книгу и решил попросить другую. Взамен Вергилия я получил исследование на английском языке о народностях, населяющих Синьцзян. Книга сбила меня с толку. Если мой спутник — археолог, почему занёс он на поля работы о Западном Китае пометки о новейших опытах американского биолога Моргана по изучению законов наследственности у мушки дрозофилы?

Я отверг и эту книгу. Третья обещала, наконец, несколько увлекательных часов. То был роман М. Каррэ «Жизнь Артура Рембо», посвященный необычайной биографии знаменитого французского поэта-символиста. Дезертировавший из датской армии, он скрывался в Абиссинии, где пытался разбогатеть на слоновой кости, но умер от слоновой болезни.

Эпизоды из жизни Артура Рембо прорезались бисерными отметками моего спутника. Рембо изнемогал в Абиссинии от приступов ужасной своей болезни, а спутник восхищался своеобразием абиссинского ячменя.

Кто же был владелец этих пестрых книг? Я вспомнил игру: в пятнадцати вопросах вы должны отгадать задуманного вашим партнером знаменитого человека. Ответы — в пометках на полях. Я стал гадать. Но это оказалось труднее, чем отгадать название очерка: очерк был шаблонен, а человек этот — оригинален.

В тот момент, когда я задавал себе одиннадцатый вопрос, несколько не приблизившись к цели, мой спутник кончил чтение и заговорил со мной. Поезд стремился сквозь летнюю ночь. Спать не хотелось. Мы долго беседовали. Мой спутник рассказывал мне о романском плуге, законах наследственности и расах ячменя. И о сорока странах, где успел он побывать за последние годы. Сосед разъяснил мне смысл казавшихся неуместными примечаний к горестному концу французского поэта» [9].

Николая Ивановича можно назвать энциклопедистом двадцатого века. Генетика, ботаника, со многими ее разветвлениями, агрономия, теория селекции, география растений, история, древняя культура — это далеко не полный круг его научных исканий.

Для автора несомненно, что любовь и интерес к книгам были привиты ученому в семье. Все дети воспитывались на высоких нравственных устоях, скромности, трудолюбии и все получили высшее образование. Александра Ивановна (по мужу Ипатьева) была талантливым врачом-бактериологом, вторая сестра, Лидия, стала микробиологом. Братья — выдающиеся ученые: старший Николай — в области биологии, генетики, эволюции, младший Сергей — в области физики. Они были президентами двух академий: Николай Иванович — ВАСХНИЛ, а Сергей Иванович — АН СССР. Это уникальный случай в мире — внуки крепостного стали президентами [2]. Это объясняется тем, что в большом доме Вавилова на Средней Пресне было редкое собрание книг. Иван Ильич был завсегдатаем лучших книжных магазинов Москвы, он покупал все книжные новинки: классическую художественную литературу русскую и зарубежную, книги по философии, истории, естествознанию, энциклопедическую, причем не только на русском, но и на иностранных языках. Подрастающие дети читали их запоем. Надо сказать, что дети получили прекрасное домашнее образование — они обучались музыке, иностранным языкам, воспитывались на высоких нравственных устоях, особо почиталось в семье трудолюбие [7, 8].

Отец видел Николая Ивановича своим преемником и поэтому сына определил для получения среднего образования в лучшее Московское коммерческое училище, куда чуть позже отдали и Сергея. Среднее учебное заведение, где учились братья Вавиловы, не давало ориентации в направлении естественных наук, оно профессионально было ориентировано на коммерческое направление, однако оказало большое влияние на формирование естественно-научных дарований и Николая, и Сергея. Коммерческое училище было неполноценным. Оно носило специализированный характер, и в нем не преподавались древние языки — латинский и греческий, без знания которых в те времена доступ в университет был закрыт. Но весь дух коммерческого училища был таким, что учащиеся могли там получить — и получали — отличную научную подготовку по самым разным направлениям. Сам того не подозревая, отец поставил сыновей в условия, в которых они стали приобретать блестящее образование еще на уровне средней школы и смогли, будучи подростками, развернуть свои способности, выявить все свои стремления и желания, в т.ч. и естественно-научные. Училище имело много важных преимуществ перед гимназиями и реальными училищами. Состав преподавателей был первоклассным, основные предметы вели известные профессора и доценты высших учебных заведений, среди которых выделялись Я.Я. Никитинский, С.Ф. Нагибин, А.А. Реформатский и др. Кроме товароведения и статистики, литературы и истории, много внимания уделяли естественным наукам: физике, химии, естествознанию. Изучали три европейских языка: немецкий, английский и французский. Занимались физическим воспитанием, спортом. В отличие от других средних учебных заведений, Московское коммерческое училище имело прекрасно оборудованные кабинеты, где проводились практические занятия. Для того

времени это было большой редкостью. Но главное в училище, к ученикам относились уважительно, воспитывали в них чувство собственного достоинства и самостоятельность мышления, а учителя обращались к ним только на «вы» [4].

Московское коммерческое училище было одним из лучших в то время учебных заведений в Москве. Среди преподавателей были такие известные профессора, как С.Ф. Нагибин, Я.Я. Никитинский, А.Н. Реформатский и др. В училище проходили литературно-музыкальные вечера, где речь шла о Н.В. Гоголе и В.А. Жуковском в связи с 50-летием их кончины, о поэме А.С. Пушкина «Полтава», о А.С. Грибоедове и Ф.И. Тютчеве и др. В это время в училище культивировался интерес к классической литературе, музыке и изобразительному искусству. Проводились вечера памяти композиторов, читались лекции о Русском музее, в том числе о творчестве художника В.В. Верещагина в связи с его гибелью при взрыве броненосца «Петропавловск» в Порт-Артуре. В училище устраивались выставки, «вечера памяти», экскурсии. К каждому ученику было индивидуальное отношение. Многие учителя были незаурядными людьми, оригинально мыслящими, пользующимися большим авторитетом [2].

В отличие от гимназий в коммерческих училищах основное внимание обращали на прикладные знания, необходимые деловым людям. В программу училища входили закон божий, русский язык и литература, немецкий, французский и английский языки, география и история, право и политическая экономия, бухгалтерия и коммерческая арифметика, математика и физика, химия и естествознание, товароведение и технология. Кроме того, обучали чистописанию и рисованию, церковному и светскому пению, гимнастике и танцам. В училище имелись хорошие лабораторные кабинеты, особенно по химии и технологии, превосходившие по оборудованию и оснащению лаборатории многих высших учебных заведений. Была большая, хорошо подобранная библиотека, постоянно пополнявшаяся новейшей литературой и множеством отечественных и иностранных периодических, главным образом, естественно-научных изданий. Училище располагало приспособленными чертежным и рисовальным классами, большим гимнастическим залом. В двух последних классах учащиеся сидели не за партами, а за роскошными конторками.

Порядки в училище были строгими. Учителя и воспитатели подбирались тщательно. В вестибюле, коридорах, столовой, уборных дежурили «дядьки» из бывших солдат. Все воспитатели были иностранцами, преподавателями соответствующих иностранных языков и разговаривали с учениками на своем родном языке. Во втором и пятом классах воспитателем Н. Вавилова был преподаватель немецкого языка И.Л. Банг. В третьем, четвертом и шестом классах воспитателями были швейцарцы, преподававшие французский язык, Ю.К. Дюссона, Э.И. Тастевен и В.А. Бриолле. В седьмом и восьмом классах — преподаватель немецкого языка С.Ф. Грезе. В учебном плане коммерческих школ Москвы значительное место было отведено естествознанию и его прикладным отраслям. Независимо от программы в Московском коммерческом училище благодаря личным качествам преподавателей, хорошему оборудованию естественно-научное образование в конце XIX в. улучшилось. Так, в 1901 г. приглашенный профессор Московского сельскохозяйственного института Н.Н. Худяков прочитал двухчасовую лекцию «Значение бактерий в природе». Химик-технолог Я.Я. Никитинский центр тяжести лабораторных занятий по технологии пищевых и сельскохозяйственных продуктов переносил на самостоятельные лабораторные занятия учеников. Особенно естественное обучение активизировалась с приходом в училище преподавателя химии А.Н. Реформатского. Он не ограничивался свойственным ему увлекательным изложением предмета и особым изяществом в постанов-

ке опытов в классе, но использовал и другие способы воздействия на умы учащихся. В год, предшествующий появлению в училище Н. Вавилова, А.Н. Реформатский создал при своей лаборатории специальную библиотеку для воспитанников, интересующихся тем или иным специальным вопросом. А.Н. Реформатский был сторонником такого взгляда на естествознание, по которому, как он говорил сам в актовой речи 1898 г., «разные науки, как-то естественная история, физика, химия, технология, товароведение, из отдельных научных дисциплин должны мало-помалу сливаться в представлении воспитанника в одно понятие науки о природе».

Важно подчеркнуть, что в культурной и научно-просветительской жизни Москвы в то время особое место принадлежало Политехническому музею. Основанный в 1872 г. Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии Политехнический музей стал крупным просветительным учреждением и распространителем передовых и научно-технических идей. В аудиториях музея выступали самые выдающиеся представители науки и техники: П.Н. Яблочков и К.А. Тимирязев, А.Г. Столетов и Н.Е. Жуковский, П.Н. Лебедев и В.Н. Чиколев, а также многие другие. Братья Вавиловы посещали эти лекции. Н.И. Вавилов так писал об этом и так объяснил свой выбор для продолжения учебы в МСХИ: «... В 1905-1906 годах пишущему эти строки, кончавшему в то время среднюю школу, пришлось решать, куда идти. Медицина, естествознание, агрономия — к ним влекло больше всего... В 1905—1906 гг. в московском Политехническом музее шли замечательные курсы лекций, посещаемые нашими учителями, а по их совету и нами. Морозов, Муромцев, Хвостов, Реформатский, Вагнер, Кулагин, Худяков — один сменял другого. Из них особенно ярки были выступления Н.Н. Худякова. Задачи науки, её цели, её содержание редко выражались с таким блеском. Афоризмы Н.Н. Худякова врезались в память. Основы бактериологии, физиологии растений превращались в философию бытия. Блестящие опыты дополняли чары слов. И стар и млад заслушивались этими лекциями. Горячую пропаганду за Петровскую академию вели Я.Я. Никитинский-старший и С.Ф. Нагибин — наши учителя в средней школе. Лекции Н.Н. Худякова, незабываемая первая ботаническая экскурсия с ними в Разумовское, агитация Я.Я. Никитинского решили выбор».

Лекции сопровождалась демонстрациями опытов и отличались простотой и образностью изложения. Темы были самыми разнообразными. Можно сказать, что все волновавшее передовое общество того времени находило свое отражение в темах регулярных научно-популярных чтений Политехнического музея.

В 1906 г. Вавилов окончил Московское коммерческое училище. Иван Ильич хотел, чтобы его сыновья стали преемниками его торгово-промышленной деятельности. Однако Николай и Сергей избрали для себя другой жизненный путь — путь учебного. В училище Николай получил достаточные глубокие знания по естественным наукам, более того, он много времени уделял самообразованию. После того, как он прослушал лекции профессора сельскохозяйственного института (бывшей Петровской земледельческой и лесной академии) Худякова, Николай окончательно утвердился в своем желании стать биологом и в скором времени стал слушателем этого института.

В сведениях об окончивших в 1906 г. полный курс МКУ Вавилов значился в пятом разделе и это принесло ему звание «кандидата коммерции и личного почетного гражданина». Завершение учебы в коммерческом училище обострило ситуацию дома. Отец, имея уже торговый дом, стремился к расширению своей фирмы и страстно желал, чтобы его сыновья стали помощниками и преемниками его торгово-промышленной деятельности. Желая убедить старшего сына, И.И. Вавилов

пригласил специального лектора, «бывшего магистранта истории», чтобы тот сжато изложил все возможные научные доказательства в пользу коммерции. Лектор был талантливым человеком, а Николай Иванович — внимательным слушателем. Однако по завершению лекций, продолжавшихся целую неделю, на вопрос отца: «Ну как, Николай?» — ответил: «Хочу быть биологом» [6].

После окончания училища Николай Иванович сразу поступил в Московский сельскохозяйственный институт (бывшая Петровская земледельческая и лесная академия, ныне Российский государственный аграрный университет — МСХА имени К.А. Тимирязева).

Свой выбор Николай Иванович объяснял так: «Старый заслуженный профессор Я.Я. Никитинский в прощальной беседе с нами, окончившими среднюю школу, советовал при выборе высшей школы обратить особое внимание на Московский сельскохозяйственный институт, где в это время был лучший состав профессоров: Вильямс, Прянишников, Худяков, Фортунатов, Демьянов, Каблуков, Кулагин, Михельсон, Федоров, Самойлов. Это было весной 1906 г. Лучшие биологи, физики, химики, экономисты связывали свою судьбу с высшей московской сельскохозяйственной школой в Петровско-Разумовском, а до них в этой старой, революционно настроенной «Петровке» были Тимирязев, Стебут, Густавсон».

Здесь Вавилов сформировался как академический исследователь, великолепно сочетающий фундаментальные и прикладные интересы.

В специфике формирования Н.И. Вавилова как исследователя существенную роль сыграли традиции, заложенные в Петровской академии еще ее основателем, первым директором, Н.И. Железновым. Фундаментальной основой концепции аграрного образования Н.И. Железнова была необходимость междисциплинарной интеграции знаний при решении проблем сельского хозяйства, результатов глубоких теоретических исследований и разработок методов их применения при решении прикладных задач. По сути, Н.И. Вавилов продолжил исследования Н.И. Железнова. В большом количестве экспедиций Железнов собрал, систематизировал и обобщил богатейший фактический материал о распространении культурных растений в увязке с природными, почвенно-климатическими условиями края. Цели, исходные принципы этой работы, ее концептуальные установки Железнов обосновал следующим образом: «Исследование законов распространения хозяйственных растений очень важно во многих отношениях. Успешное развитие частного, но еще более государственного хозяйства, во многом зависит от точности сведений по сельскохозяйственной географии; статистика основывает на них полезные выводы». Он заложил основы прикладной ботаники, столь успешно развитой уже в XX в. усилиями Н.И. Вавилова. Масштаб, комплексность и системность взглядов Н.И. Железнова оказала огромное влияние на дальнейшее развитие агробиологии и аграрного образования России [1].

Благодаря своей способности работать много, жадно, целенаправленно, не тратя времени попусту, Н. Вавилов выделялся среди сверстников. Он переходил с одной кафедры на другую, пробуя свои силы в разных лабораториях, изучая различные научные направления. Много времени он проводил в библиотеке института. Он очень любил там работать, особенно в летнее время, когда смеркалось поздно, и можно было засиживаться в читальном зале с книгой до одиннадцати часов вечера, выходить в роскошный исторический парк, дышать прозрачно-голубым воздухом и обдумывать прочитанное.

Надо сказать, что это была не просто вузовская библиотека. В ней были собрания богатейшие фонды в области истории развития сельскохозяйственной науки,

в т.ч. и биологии. Библиотека получала литературу из 125 зарубежных стран, не считая все отечественные издания [6].

Ближайшим учителем Вавилова был знаменитый биолог, профессор, основатель русской агрохимической школы, заведующий в Академии кафедрой частного земледелия, а затем кафедрой агрохимии — Дмитрий Николаевич Прянишников. По сей день в Тимирязевке существует кабинет Дмитрия Николаевича с обширной библиотекой. Далеко не все преподаватели института могли пользоваться этим собранием книг, не говоря о студентах, а Николаю Ивановичу было позволено входить в «святая святых» — библиотеку Д.Н. Прянишникова. Может быть поэтому Николай Иванович с особой любовью на протяжении всей своей жизни относился к библиотеке Академии и всегда заботился о пополнении ее фондов. Приведем некоторые выдержки из его писем [3].

Письмо С.И. Жигалову — генетику-селекционеру, профессору Тимирязевки, руководителю Селекционной станции от 06.06.1922 г.

«... Вчера с И.С. Поповым отправил первый транспорт книг в Петровскую академию, всего, кажется, около тысячи названий. Среди книг имеется монография Персиваля о пшенице, много работ по генетике, отчет Ротамстедской станции, журналы и много американских бюллетеней. Всего три ящика... Примите меры к тому, чтобы возможно скорей получить этот груз... Передайте, пожалуйста, Алексею Николаевичу Соколовскому, а также Дмитрию Николаевичу Прянишникову, что много книг по их части...».

В письме к И.Д. Шимановичу, сотруднику Отдела прикладной ботаники, он пишет, что американские и канадские книги по садоводству и огородничеству, и особенно книгу Хендрика, представляющую собой трехтомный фолиант с ботаническими таблицами, один экземпляр оставить в Отделе прикладной ботаники, а второй отправить в библиотеку Петровской академии.

В письме к М.А. Парфентьеву Вавилов упоминает о работе итальянского ученого Комеса по иммунитету растений, которую он подробно реферировал в своей книге «Иммунитет растений». Один экземпляр этой книги находился в его личной библиотеке, а второй он отправил в Петровку.

В 1913 г. Н. Вавилов находился на стажировке в Англии в Кембриджском университете. Там он занимался не только своей специальностью — иммунологией. Он следил за всем, что происходит в биологии, особенно в генетике, вызывавшей горячие споры; не обходил вниманием сельскохозяйственную науку, новинки агротехники. Немало времени провел он в Линнеевском обществе, участвовал в научных заседаниях, изучал коллекции Кембриджского университета, одного из старейших учебных заведений мира, берущего своё начало в 1209 г., имеющего старейшую научную библиотеку. Центральная библиотека Кембриджа интересна не только своим собранием томов, но представляет ещё и архитектурную ценность. Ведь она была построена великим английским архитектором Кристофером Ремом в 1676-1684 гг. Студенты этого университета шутят, что зайдя однажды в Центральную библиотеку Кембриджа, можно там остаться навсегда, настолько она велика. Здание библиотеки занимает целый квартал. В начале XX столетия книжная коллекция этой библиотеки насчитывала более двух миллионов томов. Здесь хранятся как современные издания, так и древние рукописи. Николай Иванович любил работать в этой библиотеке [3].

В октябре 1921 г. в Нью-Йорке Н.И. Вавиловым было открыто Отделение прикладной ботаники и селекции для поддержания постоянных отношений с американскими опытными учреждениями с целью сбора образцов растений и семян, а также

научной литературы для русских опытных учреждений. Деятельность этой организации можно проследить по многочисленным письмам Н.И. Вавилова [3].

1. Е.Н. Синской, сотруднице Отдела прикладной ботаники и селекции Ученого комитета Наркомзема, директором которого в то время был Н.И. Вавилов, от 12 марта 1922 г.

«Во главе учреждения в Нью-Йорке поставлен агроном Д. Бородин. Сумма на это отделение выдана мною из кредита, предоставляемого Наркомземом на приобретение семян и литературы... За полугодовое существование Нью-Йоркское отделение оправдало блестяще свое существование. Им собрано со всех штатов Америки и частью из других стран... огромное количество литературы со всех опытных станций».

2. А.М. Пантелееву, начальнику Отдела защиты растений от вредителей Наркомзема РСФСР, от 08.06.1922 г.

«Я послал большой транспорт книг и бюллетеней с И.С. Поповым: 3 ящика до тысячи названий, в Петровскую академию. Месяца через два отправим второй транспорт, в котором будет очень много энтомологической литературы. Бородин в Нью-Йорке собирает для Вас много литературы, но ящики из Америки еще не пришли, получено всего лишь 18 ящиков, главным образом с семенным материалом и с литературой по прикладной ботанике: мои первые заказы. А.А. Ячевский получил 22 ящика, но они уже три недели стоят в таможене, так как у него нет средств для выкупа».

Иллюстрацией к этим письмам может служить анализ поступлений литературы в фонды ЦНБ Тимирязевки в эти годы: всего более 10000 экз. — это книги по ботанике, селекции, физиологии растений, выпуски Сборников трудов американских опытных станций с 1893 г., бюллетени опытных станций с 1886. по 1920 г. Надо сказать, что благодаря Николаю Ивановичу был налажен книгообмен и ЦНБ получала труды Американских опытных станций и после 1922 г. вплоть до 1980 г.

Личная библиотека Н.И. Вавилова поражает воображение не только количеством, но и подбором книг. В ней были представлены, кроме специальной агрономической литературы, энциклопедии, книги по географии, физике, химии, философии, истории искусств, медицине и почти все классики мировой литературы. Она всегда была к услугам всех, кто нуждался в той или иной книге. Очень часто он и сам своим коллегам передавал ту или иную книгу, которую он считал интересной. Это видно из писем Н.И. Вавилова, ниже приведены некоторые примеры [3].

А.М. Левшину, сотруднику Агрономического кабинета Одесского государственного университета, от 31.05.1922 г. — «С изумлением узнал о Вашем превращении в селекционера. Я послал Вам... несколько работ, книгу «Иммунитет», «Ряды».

Г.С. Зайцеву, заведующему Капланбекской селекционной станции в Туркестане от 02.09.1922 г. «...Высылаю Вам несколько книг по хлопчатнику и основное руководство по генетике и селекции, вышедшее недавно в Америке»

С.Г. Навашину, преподавателю Тифлисского политехнического института, от 26.09.1922 г. «...Посылаю Вам... несколько новых книг по интересующим Вас вопросам, свои работы по иммунитету растений и по генетике».

В письме к Н.М. Тулайкову, заведующему кафедрой земледелия Саратовского сельскохозяйственного института и находящегося в то время в Америке, Николай Иванович просит подписать его на 1923 г. на журналы «Scitnce», «American Naturalist», «Botanical Gazette». Далее он пишет, что «с удовольствием передаст дубликаты этих журналов за 1922 г. в личную библиотеку Тулайкова, или в библиотеку Станции»

(имеется ввиду Безеичукская сельскохозяйственная опытная станция, основателем которой был Тулайков).

В Институте растениеводства, который был основан в Петрограде в 1924 г., где Н.И. Вавилов был первым директором, благодаря своим усилиям он стал одним из фондообразователей — постоянно заботился о пополнении фондов, выделял необходимые средства на комплектование, в переписке с отечественными и зарубежными коллегами упоминал о книгообмене.

Своим молодым сотрудникам Вавилов говорил: «Главным мозгом нашим мы считаем нашу библиотеку, ее раздел библиографии. Этот отдел поставлен на такую высоту, что каждый из вас в краткий срок может выбрать оттуда все, что для вас интересно. Это огромная база, которая поднимает всех нас на большую высоту. Наука интернациональна, это ее основа».

Так, например, в письме к Г.С. Зайцеву Николай Иванович пишет о том, что привез из заграничной командировки огромное количество книг по генетике и селекции в общей сложности более 7000 названий. Более подробно о репертуаре привезенных книг можно узнать из письма к Ю.Н. Воронову, в котором он пишет, что он «приобрел довольно много книг и журналов по тропическим растениям: весь комплект немецкого журнала о тропических растениях... за 20 лет», а также итальянские, французские и английские журналы. Причем дублетные экземпляры были посланы в Тифлисский Ботанический сад.

В письме А.Г. Николаевой, цитологу Московской селекционной станции, от 06.06.1922 г. он пишет: «... У нас очень много литературы и очень много цитологического. Получил много работ из Японии от Сакамуры и проч... Библиотека наша пополнилась значительно иностранной литературой». В другом письме он пишет, что получена иностранная литература, в основном по генетике и цитологии, в частности основные руководства по цитологии Шарпа и Агары, сводная работа по цитологии растений Тишнера, в которой отражена вся литература по 1922 г., а также все журналы. В другом письме к Б.А. Келлеру Николай Иванович пишет, что библиотека ВИРа получает все основные ботанические и генетические журналы.

А. Эйблу в Австралию — «... посылаем Вам «Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции за последние два года. Одновременно просим Вас послать нам ваши журналы «Revue Horticola d Algerie» и «Revue dAgricola du Nord».

Н.И. Вавилов постоянно работал с книгой. По воспоминаниям его учеников, он всегда ходил с огромным портфелем, полным книгами и журналами — последними научными новинками по генетике и селекции. В ВИРе ему приносили поступившую за сутки литературу, и он успевал просмотреть или прочесть за ночь и распределить по сотрудникам, как это делал проф. Кольцов. Мало того, по воспоминаниям бывших аспирантов ВИРа тех лет, внимание к их образованию было особым. Вавилов говорил: «Обязательно надо составить подробные и твердые программы по всем дисциплинам и к чтению лекций привлечь самых знающих и авторитетных специалистов. Наши аспиранты должны быть подготовлены на уровне мировой науки, владеть иностранными языками и легко ориентироваться на глобусе» [10].

Вавилов был «жаден до книг», как он говорил о себе, его интересовало все, ему был присущ тот самый «лигула-диогенизм», который так характерен для настоящих русских ученых.

При знакомстве с перепиской Н.И. Вавилова обращает на себя внимание тот факт, что практически в каждом письме обязательно говорится о книгах.

«Книги, книги, книги — в шкафах и на стеллажах». Так вспоминала Елена Федоровна Лихонос, дочь сотрудников Всесоюзного института растениеводства Фе-

дора Дмитриевича Лихоноса и его супруги Виктории Ивановны Мацкевич, про квартиру Н.И. Вавилова. Она часто бывала в доме Вавиловых, так как Елена Ивановна Барулина-Вавилова и Виктория Ивановна были подругами. Вавилов был не просто грамотным директором института и прекрасным организатором. Его выдающейся чертой, редкой в любое время, была заинтересованность в новой смене — в подготовке квалифицированных кадров. Когда Вавилов заканчивал читать лекцию, в зале была тишина. Он говорил четко и обычно недолго — его речь всегда была проста, независимо оттого, что он говорил. Каждая лекция всегда волновала зал новой научной идеологией, от молодых до убеленных седин учёных. В его выступлениях было видно величие «вавилонских сжатых идей», выстраивающих весь растительный мир в стройную систему, позволяющих определять недостающие формы растений, говорящих о необходимости поисков их во всех странах земного шара. Таких людей в России оставалось мало. Красная профессура, приходившая на смену царским профессорам, этими качествами не обладала.

Вавилов знал, как учёный, о концентрации в Америке сортовых богатств всего мира, о полном обновлении сельского хозяйства Соединенных Штатов. Находки доктора Мейера образовали богатейшую коллекцию, составляющую значительную часть Вашингтонского бюро растительной индустрии. В стенах бюро собрали сортовой капитал, который можно сравнивать с банковскими кладовыми Нью-Йорка. Вавилов хотел для России того же. И снова возникал вопрос: где же искать новые ботанические расы? Он считал, что американский путь случайных находок, которые ограничивались только финансированием экспедиций, не плодотворен. По мнению Н.И. Вавилова, Россия должна была пойти по другому пути. Российские ученые приступили к обновлению культурных растений на тридцать лет позже Соединенных Штатов и с ограниченными средствами. Но, главное, отечественное земледелие требовало новых, плановых методов. Российские ученые не могли годами путешествовать по материкам, собирая случайные находки. Н.И. Вавилов полагал, что отечественные экспедиции должны были устремиться к центрам растительных форм, быстро выхватить всё неведомое, что хранят где-то скрытые ботанические очаги происхождения культурных растений. Именно эти соображения и были основной доминантой научной, образовательной и популяризаторской деятельности Н.И. Вавилова и звучала во всех его лекциях, в которых он говорил: «... Мы должны мобилизовать растительный капитал всего земного шара...».

Кроме опытных и знающих руководителей в ВИРе имела самая лучшая в стране библиотека по растениеводству с богатейшим фондом, созданным в основном усилиями самого директора, и первоклассным каталогом. Такое внимание к библиотеке было не случайным. Каждый новый сотрудник, включая аспирантов, начинал свою работу с досконального изучения литературы. Сам Вавилов вел для аспирантов в ВИРе специальный курс «Источниковедение». По его распоряжению в Институте для всех сотрудников читался курс «Пользование научной книгой». Вел этот предмет заведующий библиотекой Г.В. Гейнц.

Николай Иванович Вавилов обладал огромным обаянием, неисчерпаемой жизнерадостностью, многогранностью интересов, феноменальной работоспособностью и памятью, умением работать в любых условиях, прекрасными организаторскими способностями, способностью к теоретическому мышлению. Личные качества Вавилова как великого ученого и исторической личности были сформированы во многом и под влиянием книг, которые были его неизбежными спутниками и играли огромную роль в его жизни.

Библиографический список

1. Баутин В.М., Глазко В.П. Н.И. Вавилов и Петровка. Начало пути // Известия ТСХА. 2011. №5. С. 136-155.
2. Паутин В.М., Глазко В.П. «Петровка» и Николай Иванович Вавилов (годы учебы и становления — 1906-1917). М.: ФГОУ ВПО РГАУ — МСХА им. К.А. Тимирязева, 2007. 244 с.
3. Вавилов Н.П. Научное наследие в письмах. Международная переписка. Т. I.-VI. М.: Наука, 1994-2003.
4. Вавилов С.П. Очерки и воспоминания. М.: Наука, 1991. 401 с.
5. Вавилов Ю.Н. В долгом поиске. Книга о братьях Николае и Сергее Вавиловых. Уральск: ФИАИ, 2004. 368 с.
6. Глазко В.П. Николай Иванович Вавилов и его время: Хроника текущих событий. Киев: PANOVA, 2005. 448 с.
7. Резник С. Николай Вавилов. М.: Молодая гвардия, 1968. 334 с. Жизнь замечательных людей. Сер. биогр. Вып. 11.
8. Резник С. Дорога на эшафот. Париж-Нью-Йорк: Изд. «Третья Волна», 1983. 126 с.
9. Роскина А. Караваны, дороги, колосья. М: Молодая гвардия, 1932. 240 с.
10. Рядом с Н.И. Вавиловым. Сборник воспоминаний. Издание второе, дополненное / сост. Ю.Н. Вавилов. М: Советская Россия, 1973. 256 с.

VAVILOV AND HIS PAPERS

N.V. DUNAEVA

(RTSAU, Moscow)

The influence of books on scientific process is unquestionable. They are the basis of ideology and perception of the world of any scientist. They are life's companions, advisers in difficult affairs and guides in hard cases. That is axiomatic. N.I. Vavilov was not an exception to the rule. In this article a try to illustrate this fact is performed.

Key words: encyclopaedist, genetics, botany, agronomy, selection theory, plant geography, history, ancient culture, source study.

Дунаева Наталья Владичевна — директор ЦНБ имени Н.И. Железнова; e-mail: dunaeva@timacad.ru.